

После того, как чайник разбился, осколки порезали левое веко Шэнь Цзуна. Кровь, смешанная с еще теплой водой, сделала половину его лица крайне неприглядной, но он, не дрогнув, выдержал это и лишь криво усмехнулся.

Ходили слухи, что генерал Шэнь был человеком вспыльчивым, упрямым и своевольным на поле боя. Сейчас было видно, что Шэнь Цзун унаследовал примерно тот же характер. Насколько своенравен и упрям был старший, настолько младший был еще хуже, как будто вырезан из одного куска.

Цзян Шаочжи спокойно наблюдал за ссорой между старым генералом и его внуком, не вмешиваясь и не высказывая мнения. Он опасался напугать своего омегу, поэтому положил Тун Цинхэ еще несколько кусочков еды, чтобы тот сосредоточился на еде.

Тун Цинхэ смотрел на каменное лицо старого генерала и суровое выражение Шэнь Цзуна. Они были близкими родственниками, но вели себя как враги. Хоть Тун Яо и мало времени уделяла семье, она никогда не обделяла его ни в чем. Сцена, когда родственники восстают друг против друга, заставила его почувствовать себя подавленным.

— Генерал-майор, не обращайтесь внимания, — сухо сказал старый генерал Шэнь, отводя взгляд и обращаясь к Цзян Шаочжи с любезностью.

Кровь смешивалась и капля за каплей стекала по щеке Шэнь Цзуна. Он небрежно вытер ее, его выражение лица не изменилось. Он встал и сказал двум людям за столом:

— Я поднимусь, приведу себя в порядок, чтобы не позорить старого генерала Шэня еще больше.

Лицо Шэнь Динсюна побагровело, но, глядя на Шэнь Цзуна, он не стал говорить много, просто приказал ему убираться наверх.

— Мой внук с детства был упрямым. Я надеялся, что он образумится, но он всегда поступает наперекор мне, — старый генерал Шэнь покачал головой и посмотрел на Цзян Шаочжи с надеждой. — Я хотел, чтобы этот мальчишка испытал трудности на поле боя и сломал свой высокомерный дух. Он не пережил страданий жизни и смерти и не понимает, как тяжело нам, нашему поколению, пришлось.

Старый генерал продолжил:

— Раньше я отправлял его в несколько частей, но, к сожалению, у этого мальчишки слишком упрямый характер, его невозможно удержать. Я слышал, что после того, как он попал под ваше начало, генерал-майор, он стал намного покладистее. Я знаю этого мальчишку: он покоряется только тем, кто сильнее его. Раньше он не подчинялся, потому что считал, что эти люди не имеют права его воспитывать.

Шэнь Цзун имел превосходные природные данные и был самым сильным бойцом среди своего

поколения, но, к сожалению, был упрям. Старый генерал Шэнь надеялся, что он пойдет на поле боя, чтобы завоевать заслуги для семьи Шэнь и принести ей славу, но Шэнь Цзун не проявлял особого интереса к этому.

Еще больше старого генерала Шэня злило то, что Шэнь Цзун несколько лет назад потерял рассудок из-за омеги и не стремился к успеху. В течение этих трех лет отношения деда и внука были как огонь и вода. Шэнь Цзун уважал старшего и не сопротивлялся, но своими действиями показывал свою решимость, что заставляло старого генерала Шэня постоянно злиться, и их упрямые характеры привели к сегодняшней ситуации.

— Генерал-майор, мой внук превосходен во всех отношениях. Я полностью спокоен, когда он под вашим присмотром. Надеюсь, вы проявите терпение и будете наставлять его. Если вам понадобится помощь, не стесняйтесь обращаться к семье Шэнь.

Цзян Шаочжи спокойно кивнул. После ужина Тун Цинхэ начал клонить в сон, и Цзян Шаочжи забрал его, не задерживаясь в доме Шэнь. Старый генерал Шэнь попросил Шэнь Цзуна проводить их. Внизу Шэнь Цзун, глядя на Тун Цинхэ, сказал:

— Не рассказывай ему о том, что произошло сегодня.

Чжун Лин не хотел быть Чжун Лином. Теперь он хотел быть Цзи Ванем, и Шэнь Цзун признавал его как Цзи Ваня. Даже мысль о том, что Цзи Вань носит ребенка от кого-то другого, заставляла его чувствовать боль и ярость. Он хотел найти и убить того, кто пометил Цзи Ваня.

Шэнь Цзун раздраженно потянул свои короткие черные волосы. От гнева рана от чашки над глазом выглядела ужасающе, а сам он казался мрачным и неистовым.

Он прямо спросил Тун Цинхэ:

— Ты знаешь, кто этот мужчина?

Тун Цинхэ отошел к Цзян Шаочжи, используя своего альфу как щит. Шэнь Цзун не мог кричать на Тун Цинхэ и оставил его наедине со своими словами.

Усевшись в левитирующий аппарат, Тун Цинхэ послушно свернулся в объятиях Цзян Шаочжи, инстинктивно обхватив его шею руками, за что получил два горячих поцелуя в ответ.

Его голова была запрокинута, чтобы принять этот поцелуй. Цзян Шаочжи тихо спросил:

— Расстроен?

Тун Цинхэ отрицательно покачал головой:

— Нет. — Вспомнив только что увиденное, он добавил: — Просто немного скучаю по сестре.

Цзян Шаочжи поднял бровь:

— Завтра съездим домой поужинать?

— Хорошо! — Тун Цинхэ радостно улыбнулся, но улыбка вскоре сменилась сомнением: — Надо сначала спросить сестру, будет ли у нее время.

В его представлении Тун Яо была очень занята. После смерти их отца, хотя семья и получила некоторую помощь со стороны, Тун Яо приходилось прокладывать путь самой. На этом одиноком пути было много трудностей.

Раньше, когда Тун Цинхэ был дома один, Тун Яо иногда приходилось отвлекаться, чтобы позаботиться о его настроении. Тогда Тун Цинхэ хотел сказать сестре, чтобы она делала все, что хочет, а он не будет одинок дома. Теперь, когда он женился, иногда он думал, что принял правильное решение.

— Дядя, я тебя не раздражаю? — Тон Тун Цинхэ был спокойным. На первый взгляд, он казался даже умиротворенным.

Он сказал:

— Даже если мы женаты, я не буду тем, кто тебя ограничивает. Делай все, что хочешь, я поддержу любое твое решение.

По мере того, как Тун Цинхэ говорил, он заметил, что Цзян Шаочжи внимательно смотрит на него. Его болтливый рот внезапно запнулся, и он прикусил кончик языка, болезненно шипя.

Со слезами на глазах, прикрывая рот, он невнятно продолжил объяснять свою теорию:

— Раньше я думал, что даже когда два человека женятся и создают семью, они все равно остаются независимыми и свободными, не вмешиваясь в работу и решения друг друга из-за другого человека.

Закончив свою мысль, Тун Цинхэ умоляюще посмотрел на своего альфу, ожидая ответа. Но Цзян Шаочжи, похоже, не обратил внимания на его слова. Он взял его за подбородок большим и указательным пальцами и надавил, заставив его слегка приоткрыть рот.

Цзян Шаочжи спросил:

— Больно укусил?

Довольно больно. Тун Цинхэ только кивнул, как что-то мягкое проникло в его рот, осторожно утешая прикушенный кончик языка. Аромат феромонов тонким ручейком проник в нос, опьяняющий и горячий, вызывая головокружение.

Как приятно. Из его горла вырвалось мурлыканье. Тун Цинхэ погрузился в мягкое, но непреодолимое успокаивающее воздействие альфы. Его щеки медленно покрылись легким румянцем. Цзян Шаочжи отпустил своего омегу, и его грубый палец вытер влажные уголки губ Тун Цинхэ.

Тун Цинхэ, ошеломленный поцелуем, не дождался ответа. Цзян Шаочжи ничего ему не сказал.

Он не совсем соглашался с недавними высказываниями омеги. Цзян Шаочжи считал, что, пометив омегу, он становится его, а омега, естественно, становится его. Тун Цинхэ не понимал потребности в контроле, которая была заложена в генетике альфы. Он не был таким невозмутимым, но раз Тун Цинхэ так думал, он не стал возражать.

В любом случае, что бы ни происходило в жизни Тун Цинхэ, он хотел быть в этом замешан.

После связи с Тун Яо, оказалось, что у нее утром совещание. Они договорились поужинать вместе. Тун Цинхэ запомнил время. Тун Яо сказала:

— Заодно приведу человека, о котором я тебе рассказывала.

Тун Цинхэ вспомнил, что это был врач из военного госпиталя, и согласился. После завершения связи Цзян Шаочжи снова был занят. Тун Цинхэ отнес стопку материалов в кабинет и занялся своей работой. Цюцю принесло заваренный ароматный чай, пирожные и свежие сочные сезонные фрукты.

Цены на фрукты во всей Звездной системе были, как правило, высоки. Обычные семьи могли позволить себе их только два-три раза в месяц. А у них дома фрукты не переводились. Многие были привезены с других планет.

Тун Цинхэ попробовал несколько штук и попросил Цюцю помыть и упаковать фрукты, подходящие для беременных. Он собирался взять их в больницу, когда пойдет навестить Цзи Ваня.

Днем Цзян Шаочжи не вернулся. Тун Цинхэ на левитирующем аппарате отправился в больницу. В палате стояла гробовая тишина. Цзи Вань сидел в кровати, листая книги на своем компьютере, а напротив него сидел Шэнь Цзун с безразличным лицом.

Рана на левом веке Шэнь Цзуна уже покрылась коркой, похожей на ползущую многоножку. Цзи Вань не обращал на него внимания. Шэнь Цзун тоже не удосужился заговорить.

— Цзи Вань, я пришел тебя навестить, — голос Тун Цинхэ нарушил тишину в палате.

Увидев Тун Цинхэ, лицо Цзи Ваня слегка смягчилось. По сравнению с лицом, обращенным к Шэнь Цзуну, это было как таяние айсберга и дуновение весеннего ветерка.

Цзи Вань посмотрел на пакет с фруктами:

— В последнее время у меня хороший аппетит. Спасибо.

Тун Цинхэ хотел улыбнуться, но взгляд Шэнь Цзуна заставил его смутиться. Он отступил в сторону, чтобы почистить фрукты, порезал их на маленькие кусочки и протянул Цзи Ваню.

Неизвестно, какое его действие разозлило Шэнь Цзуна, но тот холодно посмотрел на Тун Цинхэ и вышел.

— Он такой страшный, — тихо сказал Тун Цинхэ.

Цзи Вань утешил его:

— Сегодня люди из семьи Шэнь приходили в больницу, чтобы проверить, беременный ли я.

Тун Цинхэ спросил:

— И что потом?

Цзи Вань усмехнулся:

— Это не его ребенок, но он все равно пытается быть отцом. Шэнь Цзун несколько не изменился. — Он равнодушно сказал: — Если он считает это своим, то, каким бы оно ни стало, оно должно быть его. Новости дошли до старого генерала, и теперь они все считают, что ребенок мой — от Шэнь Цзуна. Они даже хотели провести ДНК-тест, но я отказался.

Шэнь Цзун вмешался и остановил их. Цзи Вань только что разозлился, и его живот немного заболел.

Цзи Вань сказал:

— У них у всех такой стиль. Сейчас я хочу только родить этого ребенка, а потом держаться подальше от семьи Шэнь.

Два несчастных случая не привели к потере ребенка. Цзи Вань смирился: раз уж ему суждено появиться, пусть он родится в безопасности.

Бам!

Дверь была неаккуратно распахнута. Шэнь Цзун с холодным лицом вошел с большими сумками, полными фруктов.

Шэнь Цзун пристально посмотрел на Цзи Ваня:

— Я оставил людей в больнице, чтобы присматривать за тобой. Если мой дедушка приедет, они сразу же сообщат мне.

Цзян Шаочжи в последнее время давал Шэнь Цзуну особенно тяжелые тренировки. Он получил только два часа отгула, чтобы привезти фрукты в больницу, и, не оглядываясь, поспешил обратно в тренировочный лагерь.

Цзи Вань теперь был слабым местом Шэнь Цзуна, особенно из-за ребенка в его животе. Шэнь Цзун больше всего боялся, что старый генерал заставит его избавиться от ребенка.

Он ненавидел ребенка в животе Цзи Ваня, но также прекрасно понимал: если ребенок действительно умрет из-за семьи Шэнь, то ему и Цзи Ваню придет полный конец.

Даже если ребенок не его, он должен любой ценой защитить его.

Цзи Вань приложил руку Тун Цинхэ к своему животу:

— Когда он родится, ты будешь его крестным отцом.

<http://bllate.org/book/4/110>